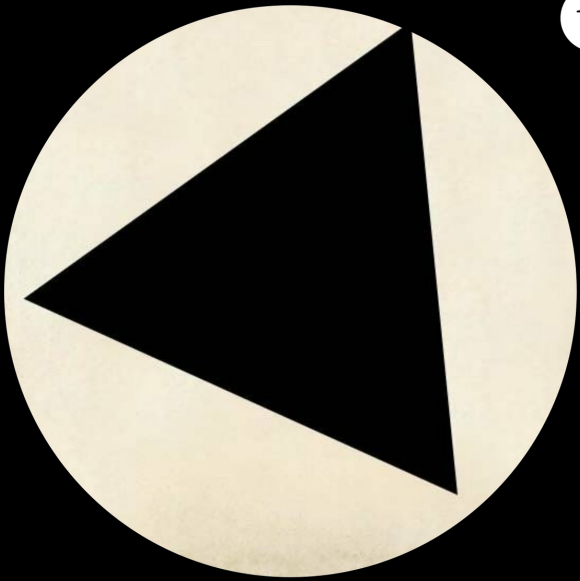
Ваня Кирпичиков

16+



Чёрный треугольник

Ваня Кирпичиков
Чёрный треугольник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48827078
SelfPub; 2019

Аннотация

В разложении общества студентов-живописцев активно принимало участие общежитие. Оно засасывало в свою черную яму оставшиеся светлые начинания студентов, покрывая их зловонным мхом и бесконечным лишайником. Всякий сюда попавший разлагался под воздействием вездесущего дешевого портвейна, прелюбодейства всяких пород и видов. Грязь, тараканы, крысы, клопы и другая адовая смесь юродствовала в общаге, обозначая себя верховным главнокомандующим. Вонючие туалеты, чумные ванны, блевотные кухни и разлагающиеся матрацы сводили с ума обитателей общежития.

Квазимир Большевич был мальчиком, про которого ничего нельзя сказать. Он был серой мышью на сером фоне или негром в пещере. Его никто не замечал в классе. И он никого не видел. Всех это устраивало. Учился Большевич на тройки, о дальнейшей жизни не думал – не мог.

Чудом-юдом Квазимир докатился до 8 класса и с помощью каких-то сверхъестественных сил сумел закончить эти долгие 8 лет колебаний в мудреном пространстве школы. Под конец этого безутешного безобразия и страдальческого мучения отец Квазимира определил сынка-опарыша в какое-то грязное и вонючее училище, где учили рисовать.

Оно хоть и называлось художественным, но корень ”худо” главенствовал. В результате из училища-вертепа выходили в существующий унылый мирок малолетние алкоголики и наркопроститутки, наполняя своим кислотным смрадом окружающую никчёмную публику. Преподаватели сего образовательного заведения ничему не учили – не могли. Их зарплата стремилась к минус бесконечности и соответственно их желание донести нечто до студентов-никчемышей также крутилось около этого значения. Директор предавался разврату у себя в кабинете, наполняя свои бездонные утробы водой-огнем и женщинами-вампирами. Процесс обучения странным образом не сваливался в канаву, опираясь на какие-то непознанные мотивы. Студенты получали дипломы об окончании и тухли в человеческом болоте-бытие, не применяя полученные знания или скорее незнания.

В разложении общества студентов-живописцев активно принимало участие общежитие. Оно засасывало в свою черную яму оставшиеся светлые начинания студентов, покрывая их зловонным мхом и бесконечным лишайником. Всякий, сюда попавший, разлагался под воздействием вездесущего дешевого портвейна, прелюбодейства всяких пород и видов. Грязь, тараканы, крысы, клопы и другая адовая смесь юродствовала в общаге, обозначая себя верховным главнокомандующим. Вонючие туалеты, чумные ванны, блевотные кухни и разлагающиеся матрацы сводили с ума обитателей общежития. Сигареты и пустые бутылки от водки плясали от удовольствия в коридорах адского жилья. Они наслаждались своим всевластием и непоколебимым верховенством. Тусклые облезлые стены, покрытые грибком, разбитые плафоны с окурками внутри, обосанные и обрыганные углы, пещерный буфет, наполненный перекошенными от сладострастия и уныния лицами-масками, разговоры-небылицы, мечты убогих – вот чем было наполнено общежитие. Блуждающие по комнатам- склепам полупьяные тела, ищущие сладких и доступных мимолетных утех, бесконечные размышления ни о чем в наркобреду, песни-пляски студенческой дискотеки-шабаша – это общага.

Квазимир, проучась в этом кошмаре, непостижимым образом не почерпнул все свойства чернородной материи под названием ”Художественное училище” и ”Общежитие”. Дуновения ада его коснулись, но лишь рикошетом – портвейн

он пил редко, пороков боялся, вонючие углы обходил, а с клопами и тараканами подружился. Жутко ленив был Большевич. Это его спасло. Лень не дала окончательно упасть на дно Квазимиру. Он так и окончил училище, как и школу – серой мышью. Но все же сюжеты мракобесного общежития и училища-сорняка оставили некоторый след в личности-пустоте Квазимира, что и сказалось в дальнейшем…

Отец устроил сынка работать в кинотеатр. Здесь Квазимир рисовал афиши будущих фильмов. Делал он это охотно, несмотря на почти нулевую зарплату.

Рисуя персонажей кинолент, он бессознательно добавлял на полотна некоторые элементы из бывшей жизни в общаге – то бутылку водки пририсует, то тараканов добавит, то граненые грязные стаканы намалюет, используя темные краски. Даже рисуя анонсы к комедийным фильмам, Квазимир добавлял безрадостные элементы своего прежнего существования. Никто не замечал этих маленьких штрихов-гадостей прошлого Квазимира, хотя директор кинотеатра как-то заметил с улыбкой-усмешкой: ”Что у тебя все в тараканах, да в портвейнах, да в темноте? Тебе надо расслабиться. Выходной может тебе дать?” Директор Рублюк любил красненькую спиртовую водицу, поэтому хоть и журил Квазимира, но внутренне ему все же нравились афиши, где красовались портвейн и водка. Театральное училище, которое закончил директор, по нравам было схоже с художественным, и по сему Квазимир и глава кинотеатра были в некотором смысле

родственные души. Он иногда приглашал Большевича в свой кабинет на рюмку вина обговорить будущие картины-афиши и при этом грозил пальчиком : ”Без излишеств!” Рублюк имел в виду неуместные бутылки и клопы, изображенные повсеместно на афишах Квазимира. Вид у директора был строгий, но в его глазах можно было усмотреть добрую ухмылку и ностальгию по прошлой родной жизни, поэтому Большевич, невзирая на указания, продолжал наполнять картины-анонсы обитателями художественного училища. Однажды, придя на работу и видя новый очередной шедевр Квазимира, Рублюк, улыбаясь, фатально махнул рукой и произнес : ”Пусть гадит!” и больше не затрагивал тему тараканов, клопов, бутылок и всякой другой нечисти.

В свободное время Квазимир стоял на аллее художников в городском парке и пытался продавать свои картины. Погнал его туда отец, чтобы получить какие-то деньги. Но мазню Большевича никто не покупал и даже краем глаза не смотрел. Никому не интересны были бесконечные натюрморты с грязными столами, посудой, бутылками, которые заполнили все картины Квазика. Он изображал также бомжеватый люд в помойных кабаках, пьяных кухонных рабочих, моющих вонючие тарелки, развратных девиц в обнимку с бутылками и с посетителями. Все это рисовалось черно-бордовыми красками и представляло собой мрачное зрелище. Слово “авангард” к творчеству Квазимира никак не лепилось. Это была просто обыкновенная мусорка, сточная канава разукрашен-

ных полотен. Но так его научили рисовать в худоучилище и лучше никаким образом не получалось. Его уровень – это афиши возле кинотеатров и не более.

Квазик жил в бедности, зарплаты ему хватало только на хлеб. Полотна и краски ему приносил отец (где-то крал). Вскоре истратив все холсты и краски, Большевич перестал заниматься дальнейшим, так сказать, творчеством. Поэтому в субботу и воскресенье он пытался продать свои старые картины-изверги, а нового ничего не создавал.

Так и стоял бы Квазимир на аллее бессмысленно и вечно под лучами палящего солнца, мерз в холод. Так и ругал бы его отец за никчемность и бесполезность пребывания в этом мире. Так бы и протух он в кинотеатре-яйце со своим алкоголиком Рублюком. Так бы и закончилась его пустая жизнь – консервная банка. Но произошло некоторое событие, которое изменило бытие Большевича…

Рубя дрова около своего барака-тюрьмы, он отвлекся на окрик отца и срезал, как лезвием, большой палец руки. Квазя заорал от боли, но как-то радостно, как будто от счастья нахлынувшего, свалившегося внезапно на его голову. Прибежавшие на крики обитатели барачного государства пытались успокоить дровосека-пальцесека, но Квазимир как-то уж очень быстро успокоился и уже через пять минут улыбался какой-то загадочной улыбкой. Его взгляд стал осмыслен и устремился в никому неизвестное, но, видимо, светлое будущее. Он весь преобразился и быстро забыл о своей ране. От-

рубленный палец спешно утащили барачные голодные собаки. Любопытствующий народец, нехотя, разошелся по своим каморкам-гробикам, разнося по округе новость о калеке Квазимире.

Отсутствие части тела никак не сказалось на морально-психологическом состоянии Большевича – нет пальца, да и чёрт с ним. Чувство постоянного бесполезного существования все также было его любимым. Он гордился им и лелеял его, думая о нём днем и ночью. Ведь нет ничего слаще осознания своего бестолкового пребывания в жизнепотоке.

Однако после эпизода с пальцем Квазика почему-то потянуло на творчество. Он раздобыл рваный кусок холста на барачном чердаке и как в бреду написал-расчертил полотно каракулями. Изображение чего-то непонятного состояло из линий, квадратов, кругов – сплошной геометрический лес. Использовал Большевич последние оставшиеся краски и теперь уже не только черно-бордовых цветов, как ранее. Получилось какое-то нагромождение фигур, перекрещенных между собой. Квазя назвал данное творение немудрено и незамысловато – ”Композиция №1” и вприпрыжку в субботу выставил на аллею на всеобщее обозрение.

Это творение резко отличалось от прежнего искусства Большевича. Оно было настолько необычно, насколько это возможно. Оно резко контрастировало со всеми существующими на аллее картинами и вызывало, мягко говоря, недоумение у большинства посетителей аллеи. Но Квазя

был невозмутим и внутренне уверен, спокоен, несмотря на негативные восклицательные звуки, летящие в его адрес смертельными ядовитыми стрелами-пулями со стороны зевак-прохожих.

Кто-то пустил сплетню, что Квазимир сошел с ума и поэтому нарисовал свой феерический бред на полотне. От него даже стали шарахаться завсегдатаи аллейки, с кем он был давно знаком и с кем была выпита не одна бутылка дешевого вина. Но Квазя был непоколебимо стоек и не взирал на то, что от него пятился местный народец. Он созерцал свой внутренний космос с воодушевлением и надеждой на всё. И последняя принесла плоды…

Некто Яков Абрамович, меценат и любитель всего неординарного, прогуливаясь по известной аллейке, наткнулся своим телескопом-взором на чудо-взрыв-картину Большевича. Немного настроив еврейскую резкость и включив правильно настроенный в свою сторону калькулятор, Яша предложил Квазику небольшую сумму денег за его шедевр-гранату, от количества которой Большевичу стало безысходно весело. Положив в карман звонкую монету в виде хрустящих купюр, Квазимир потусторонне улыбался и представлял собой мальчика-болванчика-одуванчика. Его одурманенный вид озарил всю окружающую ошарашенную публику светом детской неподдельной радости и искреннего счастья.

На вырученные деньги были куплены краски и холсты. Большевич ваял кисточкой в мастерской, обустроенной на

деньги Якова, в том же парадоксальном для общества стиле, перемешивая линии и квадраты по собственному закону. Чувство собственной бесполезности растворялось с каждой геометрической фигурой, нарисованной на полотне. Оптимизм и воодушевление были спутниками Квазика, а его взгляд внутрь себя вырвался наружу.

Стоя на аллее художеств в парке, он рыскал глазами по телам людей в надежде уловить нужный силуэт Абрамовича. Квазик выставил новые шедевры в мир и ждал прибытия Христа в лице Якова, который опять купит у него картину или даже картины за хорошие деньги.

Но спаситель искусств растворился в дорогих ресторанах – он кутил на деньги, вырученные за полотно Большевича на дорогущем аукционе. Яков выставил "Композицию №1" на торги, продвинув и разрекламировав ее в кругах любителей-авангардистов непостижимым способом, и не ошибся – её купил престарелый богатенький любитель авангарда-кубизма Анатоль Франс.

А пока Абрамович находился в длительном полете-запое в Париже, Квазик до боли в глазах искал его среди толпы в своем провинциальном городишке. Но сумма была достаточна, чтобы долго, много поить и угощать себя, друзей, незнакомцев, незнакомок. Посему Яша ушел в крутое пике и возвратился оттуда лишь через пару месяцев. Все это время бедный Большевич страдал от избытка страстей и метался, как белка в колесе.

Все же Яша-искусствовед возвратился на аллею славы имени Квазика, чем вызвал неподдельный восторг последнего. Большевич кланялся своему властелину в ноги, но Абрамович, приглядевшись к вновь созданным кубокартинам под ”удивительными” названиями ”Композиция №2” и ”Композиция №3”, неожиданно для Квази их не оценил, сказав, что данные работы однотипны, невыразительны, безэмоциональны, без “изюминки”. Большевич был расстроен, несмотря на то, что меценат оставил ему небольшую, но все же сумму денег на развитие производства. Абрамович покинул художника растерянным и опустошенным, но и сам был недоволен – ведь он лишился источника гуляний по барам и порочным местам манящего Парижа. При этом Яков пообещал вернуться в провинциальную дыру еще раз в надежде увидеть нечто лучшее, чем ”Композиция №2” и ”Композиция №3”. Он благословил Квазю на работы в стиле шедевральной ”Композиции №1” и умчался утирать слезы в дешевых пабах Чехии.

Квазимир, расстроившись, начал читать какие-то заумные книги, дабы почерпнуть оттуда нечто, способствующее его фантазиям и таланту изобразителя художественных композиций. Он изучал учебники по высшей математике, квантовой механике, абсолютно не понимая их. Он сверлил своим тупых взором философию Канта и Гегеля – безрезультатно. Эти все науки были ему непостижимы и неведомы, но зная их вес в обществе, он надеялся почерпнуть из них недо-

стающие элементы для своих картин, получить какое-нибудь вдохновение для создания шедевра кубизма. Уравнения Шрёдингера и идеализм Канта оставались просто словами-загадками и никак не инициировали в Квазе бушующие талантливые идеи. Но не там надо искать счастье…

Проходя по улице, Большевич засмотрелся в себя, любуясь собственной неземной красотой, и попал под колеса проезжающего по дороге самосвала-фаталиста с грудой костей каких-то инопланетных животных.

Удачно и радостно прошло время в белом доме-больнице, откуда Квазя вышел без ноги – её отрезали за ненадобностью. На костылях он оптимистично промчался в свою мастерскую, где как завороженный излил на холст ”Весенний натюрморт с тарелками”. Данная работа также была исполнена в авангардном стиле, но с внедрением предметов и пространств из прежней училищно-общажной жизни.

Абрамович, валяясь под столом с кружкой уже дешевого пива в пражском пабе, внезапно отрезвел и прибыл вскоре в далекие дали, на аллею славы, где его ждал с нетерпением Квазимир Большевич. Теперь картина Яше понравилась, он вывалил Квазе за нее все честные и нечестные деньги. ”Весенний натюрморт с тарелками” купил все тот же Анатоль Франс. Так вновь возродилась карьера живописца Большевича. Он опять стал востребован. И разбогател по меркам провинциального городишки. А вместо недостающей ноги красовалась деревянная палка, разукрашенная в стиле кубо-

футуризма.

Квазя стал пафосным и манерным после успеха на ниве живописи. Он купил берет художника и повязал на шею галстук. Пил дорогое виски и курил гавайские сигары. Его часто видели в парке, гуляющим со своей деревянной ногой и без пальца на руке. Отсутствие конечностей не пугало Квазика, а придавало уверенности, делало его исключительным и своеобразным. Колоритный калека с сигарой в гнилых зубах и в модной европейской одежде вызывал уважение на улицах протухшего городишки. И на аллее Большевич уже не стоял – он стал птицей высокого полёта. Давно ушёл и от Рублюка – денег хватало.

Квазя продолжал рисовать в своей мастерской картины, насыщая их предметами и образами из своей темной жизни в училище, общежитии – квадратные коридоры смрадной общаги переходили в зловонный буфет, перпендикулярные лица посетителей бара, лежащих возле параллельного туалета, обрывки названий алкогольных продуктов…

Никто не мог понять, что изображено на полотне – знал только Квазимир. Искаженный мир, пропущенный через кубопризму – вот, что располагалось на холстах Большевича.

Однако Квазя никогда не забывал Абрамовича. Все помыслы были устремлены в сторону мецената и кутилы Яшки. Данный проходимец и спекулянт вытянул его из трущоб, посадил в космолет и отправил в счастливое путешествие. Он обеспечил его безбедное житие. Встреча с Яшей была всегда

ожидаемой, ведь за ней следовало богатство и насыщение.

Вот и теперь Квазя грезил очередным приездом Абрамовича за его живописными работами. Он обустроил свое жилище в стиле кубофотуризма, дабы создать соответствующую своим холстам атмосферу и еще больше понравится Якову. Теперь в комнатах квартиры-студии все вещи, мебель стали напоминать квадратно-параллельный мир, подобный тому, что можно было усмотреть-угадать в ”Композиции №1”, ”Композиции №2”. Всякий приходящий в гости к Квазе, а таких можно было сосчитать на пальцах одной руки, попадал в мир фантасмагории и небывалой нереальности – кровати и шкафы стояли в неестественных положениях, полки и тумбы находились в нелогичных местах, верх и низ предметов квартиры перепутаны и т.д. Таким чудесным образом обустроив свои кабинеты, Квазя решил удивить Абрамовича и тем самым вынудить его купить еще больше своих произведений.

Большевич решил напустить на себя таинственности и недосказанности, чтобы создать вокруг себя и картин загадку и мистику. Творя свой потусторонний образ, он превратился в субъект неземного мира. Менял несколько раз фамилию и имя, называя себя какими-то непонятными словами, а порой и буквами. Делал себе странный макияж, надевал парики и перчатки на шесть пальцев. Поведение на улице было нелогично, общение с людьми непредсказуемо.

Таким встретил Квазика Абрамович, внезапно примчав-

шись с очередного разгула-пиршенства. Якова сильно не впечатлил новый образ своего подопечного – его интересовали картины, а не сумасбродный и идиотский вид Квази. Вновь созданные полотна под названиями ”Буфет на закате”, “Комната студента” к сожалению не понравились меценату-пропойце, и он укатил в очередные путешествия-шабаши, оставив живописца у своих невостребованных работ-посмешищ, коими они являлись на самом деле.

От отчаяния и своей очередной бессмысленности, с обезумевшими от безысходности глазами Квазик спрыгнул с третьего этажа, поломав оставшуюся ногу и в конце концов ее лишившись в хирургических кабинетах врачей-эскулапов. Данное событие развеселило творца-идиота, его улыбка стала еще более полоумной. А вот энергия живописца резко увеличилась и изысканно отобразилась на очередных чудохолстах-парадоксах – “Туалет на восходе” и “Пьяный учитель ” были немедленно куплены Абрамовичем.

Квазя ездил на каком-то кибер-мото-самокате по улицам городка без ног, пальца руки, представляя собой карнавальное или ярмарочное существо из мира зазеркалья. При этом счёт в банке Большевича распух до вселенских масштабов. Он мог себе позволить слишком много и надолго, но по каким-то причинам не делал это.

Вскоре бизнес-проект “Большевич – Абрамович” с причинно-следственной связью “утраченная конечность-шедевр” развился до того, что Квазя остался с одной рукой и на

ней был только один палец с одной фалангой. К сожалению участников союза, у Квазимира ничего больше не осталось, кроме…

Большевич заказал у местного механика несложное устройство. Подложив под него последнее полотно своей жизни-недоразумения, он отдал свою голову улыбающейся гильотине и искусству понятному избранным. Кровь Квазика на холсте загадочно локализовалась в правильный треугольник, а Абрамович, обнаруживший через некоторое время весь этот кошмар-творчество, застал треугольник уже черного цвета. Так родился вневременной шедевр на все века ”Чёрный треугольник”, который покорил мир.

В завещании все свои деньги, вырученные за картины, Квазимир определил на развитие искусства и в дом инвалидов. Часть из них украл Абрамович и растворился навсегда в ему известных измерениях.